

как установление референтной отнесенности конфликтного высказывания является ключевым этапом исследования.

Баранов А. Н. Персонификация и контексты со снятой метафоризацией // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Минск, 10–11 мая 2017 г.) / отв. ред. Л. М. Лещева. Минск, 2017. С. 4–5.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1 (3). P. 323–342.

Markman A. B. Knowledge Representation. New Jersey, 1999.

Шимон Погвизд

Институт славистики ПАН

Краков, Польша

szymon.pogwizd17@gmail.com

Польско-восточнословацкие семантические соответствия в развитии континуантов лексем праславянского происхождения

Лингвисты, занимающиеся историей словацкого языка, неоднократно обращали внимание на присутствие в восточнословацких говорах элементов, свойственных лехитской подгруппе западнославянских языков. Эти сходства существуют на уровнях фонетики, словообразования и лексики, что отличает упомянутую группу от остальных диалектов словацкого языка (западнословацкого и среднесловацкого). Происхождение восточнословацкого диалекта было предметом оживленных научных споров в течение многих лет. Многочисленные фонетические и лексические совпадения в восточнословацких говорах и в польском языке способствовали возникновению гипотез о польском происхождении этих говоров или о присутствии польского субстрата на территории Восточной Словакии (такого мнения придерживались, например, С. Б. Бернштейн, С. Чамбел, З. Штибер [Krajčovič, 1974, 13–27]). Другие слависты решительно сопротивлялись этой гипотезе, считая, что восточнословацкие говоры на самом деле словацкого

происхождения, а польские языковые признаки возникли под влиянием частых языковых контактов с поляками (в том числе и с жителями польских поселений на названной территории) и имеют относительно поздний характер (такого мнения был, например, выдающийся словацкий языковед Ян Станислав [Stanislav, 1935]).

В настоящем докладе будут рассмотрены примеры польско-восточнословацких семантических параллелей в лексике, являющейся праславянским наследством. Семантика восточнословацких примеров совпадает со значениями в польском языке, но отличается от говоров на остальной территории Словакии.

Один из примеров — восточнословацкий глагол *rusac* (*kamene*) ‘бросать, метать (о камнях)’. В словацком литературном языке для выражения этого действия употребляется слово *hádzať*, преобладающее также в западнословацком и среднесловацком диалектах. Слово *rusac* фиксируется в западной части восточнословацких диалектов (в спишских и шаришских говорах). В иных словацких говорах зафиксированы также другие глаголы в этом значении: например, в восточной части восточнословацких диалектов употребляется термин *metať* (ужские, сотацкие и земплинские говоры) [ASJ, 4, 20]. Семантика вост.-словац. *rusac* тождественна значению польск. *rzucać* ‘бросать, метать’. При этом общесловац. *rusať* можно перевести как ‘разрушать, ломать, сносить’, и в таком же значении оно выступает в остальных наречиях. Однако стоит отметить, что в «Историческом словаре словацкого языка» фиксируется также значение ‘бросать, метать’, сохранившееся до сих пор только в говорах Спиша и Шариша [HSSJ, 5, 187]. Слово является континуантом праслав. **rutiti* / **r'utiti* < и.-е. **reu-* ‘копать, рыть’ [Boryś, 2005, 536; Králik, 2015, 516]. Семантику, схожую с общесловацкой, находим как в чеш. *zřítiti se* ‘свалиться, обрушиться’, так и в южнославянских языках, ср. болг. диал. *рутя* ‘разрушать, сносить’. Среди восточнославянских соответствий можно назвать др.-рус. *рутитися* ‘броситься (на кого-то)’ [СлРЯ XI–XVII, 22, 261], рус. диал. *рути́ть* ‘лить, ронять (слезы)’ [СРНГ, 35, 274].

Другим примером семантической параллели в восточнословацком диалекте и польском языке служит дериват упомянутого выше глагола — вост.-словац. *porútiť* ‘выкинуть, родить мертвое животное’. Аналогичное значение мы находим у польск. диал. *porzucić* ‘выкинуть (о животных)’ (названное значение широко распространено в польских

говорах — великопольских, мазовецких, а также в кашубском языке) [SGM, 2, 37]. Такая семантика ограничена западной частью восточно-словацких диалектов. В литературном словацком языке употребляется глагол *vyvrhnúť*.

Следующим примером семантического сходства являются континуанты праслав. **kuriti* — вост.-словац. *kurić še* ‘о дыме из трубы: распространяться’ и польск. диал. *kurzyć się* ‘дымиться’ [Szewczyk, 2014, 312]. В других словацких диалектах это значение передается глаголами *kad’it’ sa* и *dymit’ sa*. Общесловац. *kúrit’ sa* вне восточнословацких диалектов обладает другой семантикой.

Примеры польско-восточнословацких семантических параллелей представляют собой интересный объект диахронических исследований. Их анализ может помочь выяснить характер и хронологию польско-восточнословацких языковых связей.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ASJ — Atlas slovenského jazyka / red. A. Habrovštiak. T. 1–4. Bratislava, 1968–1984.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka / red. M. Majtán. T. 1–7. Bratislava, 1991–2008.

Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. Bratislava, 1974.

Kralík L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

SGM — Słownik gwar małopolskich / red. J. Wronicz. T. 1–2. Kraków, 2018.

Stanislav J. Pôvod východoslovenských nárečí. Bratislava, 1935.

Szewczyk Z. Słownik gwary Łachów Sądeckich. Podegrodzie, 2014.